

Станислав Айдинян

На прошлолетнем Французском бульваре

Из воспоминаний

В 1958 году меня, родившегося 13 апреля в Москве, в возрасте двух месяцев от роду бабушка с матерью и дед погрузили в поезд, который тогда еще лихо тащил дымящий угольным дымом черный паровоз, и привезли в Одессу на улицу Пироговскую, в старинный дом-особняк, 13/3. Деда со стороны отца я никогда не видел, он умер до моего рождения, а дед по материнской линии был ко мне очень привязан, и я отвечал ему взаимностью... Тогда уже полковник в отставке, Трофим Андроникович Гладков получил в 1945 году целый нижний этаж в этом особняке на Пироговской, когда приехал после фронта и контузии служить в Одессу на должность начальника оперативного отдела штаба округа. Должность была генеральская, однако его оставляли в полковниках, ведь он был родом из станицы Романовская, донской казак по происхождению, и еще до войны был репрессирован – в 1938 году в Сталинграде, где занимал такую же должность... Маршал Г.К. Жуков, под началом которого он служил, ценил его как весьма грамотного специалиста – у него еще до войны было высшее военное образование, в день выпуска его курс поздравил Сталин. Так вот маршал Жуков, чья ненависть к безграмотным выдвиженцам была известна, говорил моему деду во время составления карт окружных учений: «Полковник, переделайте после генерала!..». И при этом демонстративно перечеркивал красным карандашом неверно нанесенный на карту план.

Возможно, в силу того, что деду пришлось побывать в тюрьме, и оттого что только чудо спасло его от общей смертной участи арестованных тогда офицеров, Трофим Андроникович сторонился военной среды, внутри которой в сталинскую эпоху мож-

но было жестоко поплатиться за неосторожно сказанное слово. У него было очень мало друзей, и жил он уединенно. Отдельный этаж особняка – это то, что он выбрал для своего уединения. Единственными соседями семьи деда по дому в 1940-50-е годы был летчик-полковник И.И. Баутин с женой и дочерью Еленой, они занимали весь верхний этаж. Баутин сменил там арестованного за политический анекдот полковника Бабаханова. Здание же штаба округа, где мой дед служил, находилось сначала в конце улицы Островидова, а потом было перенесено все на ту же Пироговскую улицу, совсем недалеко от архитектурного комплекса-ансамбля особняков в старонемецком романтическом стиле, в который был вписан и 13/3. С черепичною крышей, с уютным внутренним двориком и открытой летней верандой, этот особняк был овеян духом дореволюционного времени, в котором был некогда создан. Да и окружение было из людей, которые помнили те давние старорежимные, как тогда говорили, времена...

Как не вспомнить семью Свирских, что жили в своем частном доме 13/2, Надежда Эммануиловна Свирская, вернувшаяся из эвакуации преподавательница французского языка в одесском политехническом, проводила у себя вечера, посвященные французской культуре, у нее были французские пластинки, она показывала диафильмы, слайды с видами Парижа. Ее отец, маленький старичок во всем черном, был образцом староодесской приветливости. Когда мы с дедом встречали его на Пироговской, он неизменно приподнимал над головою старомодную шляпу с полями и что-то рассказывал... А ходили мы на прогулки до железнодорожного моста, на который поднимались, чтобы посмотреть, как дымят, гудят и пускают белоснежный пар из-под своих смазочных поршневых коробок так привлекавшие меня тогда, в раннем детстве, паровозы.

Не менее протяженными были наши прогулки к Французскому бульвару – к мавританской арке, за которой, по легенде, некогда было имение княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, там интимно принимавшей Пушкина. Ходили и дальше – к заводу удельных вин, и далее – на неизменном 5-м трамвае ездили в Аркадию, где у нас с дедом были излюбленные памятные местечки – пеньки, которые всегда волшебным образом ждали нас...

Пироговская впадала, как река, в выложенный крупными серыми булыжниками Французский (тогда Пролетарский) бульвар. ИнашкомплексвсерединеПироговской, состоявший из нескольких одностилевых домов, построенных известным одесским архитектором Гонсиоровским, как выяснилось годы спустя, был особенным еще и тем, что в одном из них жил царский генерал, прообраз генерала Черноты из булгаковского «Бега», которого в одноименном фильме талантливо и характерно сыграл М. Ульянов.

Та ушедшая безвозвратно жизнь оставила нам яркие личности и характеры людей, живших по соседству. Чего стоила только Анна Григорьевна, старая дворянка, жившая по соседству, чей отец, как говорили, был причастен до революции к основанию Вольного пароходства, у нее – тогда неслыханное дело – горела день и ночь перед образом лампада... Или ее прислуга, Татьяна Евдокимовна, приходившая и к нам помогать по хозяйству. В детстве она училась в Люстдорфе в немецкой школе и знала хорошо немецкий разговорный язык, что и ей, и ее семье позволило не голодать во времена немецкой оккупации. Отголоски войны еще были в воздухе Одессы – бабушка моя рассказывала, что она видела, как голодные пленные собирали придорожную траву и на вопрос «Зачем?» отвечали: «Зупен!» – то есть для супа.

Бабушка моя, супруга Трофима Андрониковича Эльпида Азарьевна Гладкова, урожденная Гашибоязова, была греческого происхождения. Ее отец Азарий Спиридонович был почитаемым учениками учителем математики, чьи питомцы поступали в лучшие вузы страны. Один из его сыновей, Александр Азарьевич Гашибоязов, потом стал заведующим кафедрой математики Ленинградского университета. Азарий Спиридонович, чья вдова Олимпиада Александровна после его смерти в Кисловодске тоже приехала доживать свой век в дом на Пироговской, отличался даром красноречия, выступал перед войсками, отправлявшимися на фронт в первую мировую войну, в его гостиной бывали господа офицеры, по приемным дням и моя бабушка, и ее сестра Клеопатра Азарьевна еще детьми входили в комнаты понюхать оставшийся после ухода гостей запах дорогого табака от сигар... Бабушка моя, конечно, училась в царской гимназии, а потом и в заведении Святой Нины в Тифлисе, где, вызывая к доске, преподавательница стро-

го говорила ее соученице: «Княжна Джавахова, отвечайте урок!». Гимназисткам юная Эльпида, чье имя с греческого переводилось как «Надежда», неизменно помогала на уроках математики...

Люди культурной среды в те времена тянулись друг к другу, и неудивительно, что бабушка Эльпида Азарьевна дружила с семьей Балицких-Рыбаченко, сестрами Ольгой и Наталией, жившими здесь же, на Пироговской, напротив штаба округа, в доме, где по сию пору охотничий магазинчик. Они занимали не тронутую временем большую квартиру, где все сохранилось так, как было до революции, вплоть до картины – это был холст, писанный маслом, и на нем натюрморт, «герои» которого – изумительной красоты гипсовый слепок с руки молодой женщины и старинная восточного орнамента ваза. Нарисованная ваза живым прототипом стояла тут же, как и гипсовый слепок, который был, как торжественно сообщалось, сделан с руки младшей из сестер. Стариную от этой семьи веяло и оттого, что был еще жив и Балицкий – царский офицер в прошлом. После контузии в первую мировую он повредился в рассудке, оттого его позже не расстреляли. Мне было всего двенадцать лет, когда он по-детски обиделся на меня за то, что я не оценил по достоинству его коллекцию окаменевших миллионы лет назад кусков древесины... Он изумительно в старинной манере пел под гитару романсы, знал их множество. У него был синдром бродяжничества, он мог куда-нибудь надолго исчезнуть – уезжал летом в археологические и геологические экспедиции, пел для молодежи, в одной из этих поездок, простудившись, он, Балицкий, и закончил свои дни.

Отец мой хотел купить у моря дачу. Велись переговоры с подругой знаменитого Ивана Козловского, певицей, солисткой Большого театра Надеждой Чубенко, чтобы приобрести верхний этаж ее дачи в Крыму, недалеко от Медведь-горы... Но вместо сада у той дачи был овраг, хотя на море с веранды и открывался бесподобной вид. Я помню, как мы ехали по Крыму на черной «Волге»... Как осматривали дом недалеко от Медведь-горы... Однако любовь к Одессе пересилила и победила.

Когда я в первый раз, в 1966 году весной, побывал в приобретенном отцом моим доме на Французском бульваре (№ 53, д. 32), впечатление было такое, что я попал в когда-то заколдованное

и брошенное пространство. Большой фруктовый сад зарос, был заброшен. Внешне дом под черепичной крышей с восемью колоннами был просто старинным строением, от которого веяло прошлым веком. Внутри же дело обстояло хуже – паутина и пыль в комнатах оседали на проломы в прогнивших насквозь досках пола... Жить в доме было еще невозможно. И вот до зимы 1966 года мы жили в доме бабушки Эльпиды Азарьевны на улице Пироговской, раз, помню, а том же году останавливались и у наших добрых и верных друзей – Петросянов, так у нас дома называли Петросянцев – без благородной староармянской приставки «ц»...

В это время на будущей даче в доме шел ремонт. Руководил им один из представителей семьи Рыбаченко. Оставалось сожалеть, что советы моей матери, профессионального архитектора, в полную меру не были приняты при этой реконструкции... Полы были заменены, черепица переложена заново, деревянные части дома, двери, ниши – все было обновлено... Дом, конечно, потерял дореволюционную замшелую таинственность, зато стал чистым и жилым. Туда переехала солидная, сделанная из цельных ореховых плит мебель еще первой квартиры Артура Айдиняна, находившейся в правительственном доме на набережной Шевченко в Москве. Шкафы, стулья приехали поездом. Привезли и удивительно строя и выносливости трофейное германское пианино «Пфейфер»... Позже был перевезен от бабушки, с Пироговской, очень старинный сплошь резной стол... Первое время на даче не было автоматического газового нагревателя, и дом отапливался печкой, правда, очень добротной, однако она нагревала лишь одну первую комнату, остальные большие комнаты превращались на зиму в ледник... 1968 год мы жили без моих родителей на даче при горячей печке с бабушкой и прабабушкой, Олимпиадой Александровной, этот год особенно уютным светом светит из детства... Садовые деревья, зимою укутанные снегом, сад под солнцем, оледенелая виноградная лоза... А по ночам из-за сплошных многолетних зарослей живых оград выли надрывно дачные собаки, которым хозяева зимой доверяли охранять свое летнее жилье. Им привозили пищу, но общались они воем и лаем под луною, в ночное время. Под этот концерт мы, бывало, и засыпали... Кри-

минальный элемент до поры до времени на дачи не хаживал, клыкастых сторожей опасаясь.

Когда зима закончилась, наступила весна, из-под снега глянула прошлогодняя трава, и я облюбовал себе деревянный стол, на который прямо в шубе ложился во дворе и читал днем военные приключения, – они, видимо, согревали, так как было не холодно.

Летом мы с младшим братом больше лазили по деревьям, заборам, бегали на море.

Помню, что не разводя серьезного огорода, Эльпида Азарьевна для стола сделала на нашем весьма обширном участке несколько грядок, где мне было поручено посадить базилик, петрушку, лук. Наблюдая с любовью рост из земли маленьких всходов, потом и серьезных ростков, я душою ощущал дыхание природы, свечение ее рождающей растение тайной силы... Как увлекательно свежо весной появлялись почки на деревьях, как оживали лозы лидии и изабеллы, виноградных сортов, переживавших снежные в те годы одесские зимы... Потом появлялись скромные нарциссы и тюльпаны, далее распускались алые пионы.

Помнится, как-то летом, когда дачу наша семья уже несколько обжила, к нам на обед отцом был приглашен генерал-полковник, будущий маршал бронетанковых войск Амазасп Хачатурович Бабаджанян, начальник Одесского военного округа. Он очень почитал вокальный талант отца, дружески к нему относился. И вот помню хлопчущих у стола мою бабушку Эльпиду Азарьевну, маму мою Лилию Трофимовну, неповторимо благородную Рипсиме Аветисовну, мягкую женственную Наталию и строгую Ольгу Рыбаченко, у которых был серьезный спор: у большой рыбы, размещенной «с комфортом» на огромном блюде, должны быть глаза черные, из маслины, или зеленые – из зеленого горошка?! Помню, как прибыл Бабаджанян на двух машинах – на одной он сам с женою, на другой, на «Победе», – вооруженная охрана... Потом он сидел во главе стола. Лицо его было обожжено кислотой во время войны – он горел в танке. Коньяк и вина на свежем воздухе делали свое дело. Отец пел для гостей. Позже генерал встал из-за стола.

– Артур, – обратился он к отцу. – Мне нужно позвонить!

Однако отец ответил, что на даче у него нет телефона. Амазасп Хачатурович сказал:

– Ты народный артист, и у тебя нет телефона?.. Нет, так не годится. Телефон – вещь необходимая.

На следующий день в переулке Кренкеля, с которым соприкасались каменные заборы дачного кооператива, что-то громко застучало. Я вышел через железную калитку в заборе в переулок. Там военная команда ставила деревянные столбы и вела по ним телефонный провод. Буквально через несколько часов столбы были вкопаны, укреплены по двум сторонам рельсами. В дом вошел бравый майор, кинул руку под козырек и отрапортовал «товарищу народному артисту», что телефонная линия проведена. Он подключил к проводу телефонный аппарат. Вот так у нас появился телефон.

Между прочим замечу, что телефоны у других избранных хозяев домов потом появились, а вот газоснабжение для кооператива организовал своими хлопотами мой отец, это была его заслуга.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов глава Черноморского пароходства Томас, внук крупного революционера, за символическую стоимость продал моему отцу катер, нами названный «Алас» – то есть по-гречески «соль», а помимо того, по буквам, сокращенно – Артур, Лилия, Александр, Станислав. С катером начались морские путешествия отца. На дачу приходил верный друг и большой поклонник Валерий Кузнецов – укротитель крупных хищных, он был дрессировщиком-профессионалом, но он же был выпускником Кишиневской консерватории, был очень музыкален и аккомпанировал на фортепьяно шефским концертам отца, когда тот выступал перед портовиками, так как был официально признанным «шефом» одесского порта, коллектив которого ходатайствовал о том, чтобы ему было присвоено звание народного артиста СССР.

Теперь на дачу кроме старой интеллигенции стали приходиться и люди из одесского яхт-клуба, куда отец спускался, как правило, пешком. То я, то младший мой брат Александр сопровождали его. Когда отец на катере ходил на рыбную ловлю и привозил ведрами ставриду, объевшиеся дачные коты уже не могли есть, они только подходили к рыбе и на нее мяукали, грустно выражая свое сожаление.

Валерий приглашал к нам на участок не только музыкантов, но и молодых циркачей, которые помогали убирать участок. Пом-

ню, он приводил к нам на дачу молодую женщину-скрипачку, и отец с ними музицировал прямо в саду. Но самое высокое музыкальное действие начиналось на даче вечером. Валерий Кузнецов за пианино, рядом стоит отец, вокруг сидят гости. Отец поет итальянские песни, русские старинные романсы. Мог спеть изредка и арию из какой-нибудь классической оперы. А иногда под то же дачное пианино или под гитару отец пел в два голоса с моим младшим братом Аликом, – особенно нежно у них звучала «Санта Лючия». Голос брата, еще детский, шел в унисон с отцовским тенором, это было исключительно высоко музыкально. В последние годы на дачу к отцу приезжала ученица-гречанка, молодая певица Динара, отец ей ставил голос, преподавал тонкости вокального искусства. Потом она уехала навсегда в Италию...

Садовник у нас был свой, и очень основательный, фамилия его была Баранов, он был автором книги по садоводству, имел свой особенный сад, куда мы ездили «на экскурсию». Баранов не только посадил новые фруктовые деревья, дополнил ряды винограда новыми сортами, возобновил розарий перед окнами фасада, но и посвятил моему отцу яблоню-лиру, стоявшую у входа на участок. Это было выгнутое в форме лиры дерево. Плоды его – изумительного вкуса, какой ныне даже на одесском всеобъемлющем и всеприимном Привозе уже почти не встречается... Таков был дар известного садовода известному певцу.

В те годы отец мой Артур Михайлович Айдинян был без преувеличения знаменитым певцом. Его концерты по прямой радиотрансляции из Москвы слушала вся страна, несколько заводов грамзаписи выпускали его пластинки с итальянскими песнями, ариями из опер, их раскупали сразу. И из репродукторов на остановках городского транспорта в те далекие времена лился его голос – лирико-драматический тенор. Знатоки авторитетно заявляли, что он не только обладал редкой красоты голосом, но и владел искусством бельканто. Это было неудивительно, поскольку он учился некогда, до войны, у маэстро Доменико Росси, который пел на оперных сценах Италии во времена Карузо.

Отец мой родился в Греческом Королевстве под короной короля Георгиоса в 1923 году. Отец его владел хлопковыми участками над городом Салоники, мраморным домом в городе, неболь-

шой мебельной фабрикой. В детстве Артур Айдинян пел в армянской церкви, вместе с сестрами исполнял греческие песни по местному радио, выступал с ансамблем гавайских гитар «Цигаридис». Состоял, когда Грецию оккупировали итальянские, потом греческие войска, в Сопротивлении, входил в подпольную организацию Элас-Эпон. Попал однажды в застенки. Там почти лишился зрения. Об этом годы спустя особенно охотно стали писать во множестве советских периодических изданий – в газетах, журналах, когда после окончания войны и разорения его отца их семья решила на репатриацию – с братом и сестрами на пароходе приплыли в Одессу... Из Одессы их поездом отправили в Ереван, на историческую, как сейчас говорят, родину. Жизнерадостный, веселый, оптимистичный, но, увы, слабо видящий певец поступил в Ереване в музыкальное училище. Ему преподавал бывший артист Императорских театров Тигран Иванович Налбандян, но он мало что мог прибавить к школе, обретенной у России еще в Греции. Консерваторию он окончил значительно позже, уже получив всесоюзное признание, став сначала заслуженным, потом и народным артистом Армянской ССР.

Каждый год Артур Айдинян обновлял репертуар, готовил по две-три сольных программы, в которые артист включал уже не только итальянские, испанские, немецкие произведения, он с огромным успехом исполнял и армянскую, и русскую классику. Это были произведения Комитаса, Спендиарова, Глинки, Чайковского, Рахманинова, вокальные циклы Шостаковича, Кабалевского... С неповторимым мастерством звучали в его исполнении арии из опер, в 1960 году с оркестром Большого театра под управлением дирижера А. Жюрайтиса была записана стереопластинка, состоящая полностью из классических итальянских арий.

Славе Артура Айдиняна и широчайшему его признанию помогали не только концерты в самых больших, ведущих залах страны, но и то, что он снялся в художественном фильме «Сердце поет». Половина фильма снималась в Одессе, город Одесса играл фильме город Салоники. Фильм был снят в 1956 году по мотивам биографии певца. Сценаристка Маро Ерзикян смогла, избежав «военной» линии, сделать трогательный лирический музыкальный фильм, который напоминал многие доходившие до нашей страны ита-

льянские музыкальные фильмы, в которых снимались великие Беньямино Джильи и Тито Скиппа. Кстати, Тито Скиппа во время оккупации Одессы при Муссолини приезжал в Одессу, давал концерты, а с Артуром Айдиняном познакомился во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Тито Скиппа прекрасно понимал, что перед ним очень яркое самобытное дарование. Приглашал записываться в Италию, но не те были времена, чтобы столь яркого исполнителя выпустили свободно за границу, – то были времена «железного занавеса».

Из Армении Артур Айдинян приехал в Одессу на лечение. Профессор Мелик-Мксян лечил его в Ереване. В Армению пожаловал из Одессы знаменитый академик В.П. Филатов. Ему показали Артура как больного, и академик сказал, что берется сделать операцию, нужно ехать в Одессу. И вот поезд, потом теплоход «Россия»... Артур пел для пассажиров. Как всегда, имел успех. И вот уже машина «Победа» капитана теплохода везет артиста к академику. Лечение в институте Филатова, в клинике, при жизни носившей имя ученого. Владимир Петрович, увлекавшийся не только поэзией и живописью, но и вокалом, певший итальянские и русские песни, любивший оперу, сразу очаровался голосом Артура Айдиняна, стал другом и почитателем артиста. Он сделал ему две операции, первая была особенно удачной...

Певец лечился стационарно в институте, близ которого в дачном кооперативе «Научный работник» на Пролетарском, бывшем Французском бульваре, № 53, в начале первой аллеи стоял и ныне стоит дом академика Филатова. Там знаменитый ученый отдыхал от хирургических, офтальмологических трудов своих с супругой Варварой Васильевной Скородинской-Филатовой. Там он с мольбертом рисовал...

Через годы быстрая словоохотливая вдова академика Варвара Васильевна жила в домике, все время то принимала экскурсии, то спешила в институт. В домике была особая атмосфера культа академика – Варвара Васильевна перепечатывала с рукописей его стихи, гостям показывала машинописные сборники. Помню, мне она давала на прочтение переплетенную машинопись «Провозвестия» Рамакришны... Убедившись в моем неподдельном интересе к мистической стороне жизни, она показала удивительный

и мрачноватый альбом, где были фотографии и подлинные рисунки профессора Георгия Федоровича Цомакиона, который до войны рисовал тушью, резал по дереву и создавал гипсовые изображения всевозможных химер и иных мистических образов. Меня она познакомила с последним представителем этой ближайшей к Филатову семье – с бывавшей у нее Людмилой Георгиевной Цомакион, чья мать Марфа Викторовна держала много лет в Одессе негласный культурно-философский салон, много лет дружила с академиком и оставила письменное свидетельство о своей с ним последней встрече. У Филатова была и друг, ясновидящая Анастасия Теодориди. Она предсказывала врачу-академику, как будут проходить сложнейшие его операции. Говорят, Анастасия носила не снимая две недели ночную рубашку, потом ее на две недели надевали на больного шизофренией, – и он вопреки невозможности выздоравливал. Владимир Петрович повез моего отца к Анастасии Васильевне, она некогда пела в Италии в театре Ла Скала и ставила в Одессе голоса, преподавала вокал. Она прослушала молодого тогда певца, но сказала, что это сформировавшийся голос с итальянской школой, к которому уж ничего не нужно прибавлять...

В Доме-музее В.П. Филатова под стеклом хранятся фотографии моих отца и матери, сделанные фотокорреспондентом, когда они в очередной раз навещали академика в его домике. Справедливости ради надо сказать, что у Филатова была еще квартира на Французском бульваре, в солидном сталинской постройки доме, что стоит рядом с институтом Филатова на бульваре, если идти из центра. Там тоже у академика бывали мои родители, потом вспоминали домашний вечер с угощением. В этой квартире жил сын Владимира Петровича Сергей Владимирович Филатов, тоже доктор медицинских наук, с женою. Мемориальная же доска В.П. Филатова установлена на месте более ранней квартиры академика на улице Гоголя близ дома с атлантами, держащими Землю.

Много лет операциям Владимира Петровича ассистировала Елена Аркадьевна Петросянц. Она была известным офтальмологом Филатовской клиники тех лет. Прошла военврачом войну, у нее было много орденов. Поговаривали даже, что Филатов подумывал о браке с нею, но предпочел все же активную, увлеченную наукой и медициной Варвару Васильевну. Вдову академика

я помню не только у нее дома, она жила постоянно в домике на Французском бульваре, где принимала друзей и начала проводить экскурсии, когда дом стал домом-музеем. Я помню Варвару Васильевну именно за столом у Петросянцев, где она была неизменно в центре внимания. Как изумительно она рассказывала о фантастической новелле, написанной Филатовым о статуэтке из Та-нагры... Или – прямо готический рассказ о том, как в Одессе было у одной женщины две небольших холста изумительной работы. Они попали к ней от отца, путешествовавшего в карете по Европе и увидевшего в старинном полуразрушенном французском замке эти два небольших шедевра. Здание находилось в плачевном состоянии, стены башни в трещинах, из которых дул ветер. Хозяева развалин давно умерли. Но старый слуга ни за какие деньги не соглашался продать хозяйское добро. Так они и уехали, не договорившись. Однако в пути выяснилось, что кучер-пройдоха услышал разговор своего господина с хранителем замка, в суматохе отъезда выкрал все-таки эти две картины... Господин был дворянином строгого нрава и, отругав кучера, приказал повернуть назад, чтобы вернуть полотна хранителю-старика. Но когда они увидели стены замка, то поняли, что замок сгорел прошлой ночью, лишь обугленные стропила в каменных провалах стен да густой запах гари напоминали о том, что недавно тут жили люли... Старика они так и не нашли. Он исчез при пожаре. Потом отец приятельницы Скородинской привез эти неправедно обретенные работы в Петербург, где и выяснилось, что создал их не кто иной как сам великий Рембрандт... Так и жили они, бесценные работы, в квартире той женщины. Отец ее умер, после революции квартиру уплотнили, но несмотря на голод и нищету послереволюционных лет, ни за какие деньги не проданы были картины вплоть до смерти хозяйки. Потом же – исчезли...

Я вспоминаю этот рассказ Варвары Васильевны, потому что хочу передать атмосферу, тональность интересов того времени. Чему удивлялись, как жили прошлым эти люди.

Дом Петросянцев, точнее, их особняк в мавританском стиле и сегодня стоит, на углу Французского бульвара и Кирпичного переулка. Дом этот был разрушен в революцию, восстановлен во времена нэпа. Хозяйка его, Елена Аркадьевна, принимала

тут пациентов, как и Филатов в своем доме, бывшем несколько дальше по бульвару. Отец Елены Аркадьевны был дельцом-коммерсантом. Вместе с нею жила жена ее покойного брата Рипсима Аветисовна, женщина особой старомодной стати, до глубокой старости сохранявшая благородную внешность. У Рипсима Аветисовны отец до революции был хозяином обойного завода. Рипсима, будучи гимназисткой, приняла участие в праздничной беспроигрышной лотерее. Каково было ее разочарование, когда она выиграла... комплект обоев!..

На нижнем этаже особняка жил брат Елены Аркадьевны, скульптор Михаил Петросянец, работавший тут же, на Французском, на киностудии, на территории бывшей дачи Демидовой де Сан-Донато. В подвале особняка и сегодня хранятся несколько скульптурных работ Михаила Петросянца. Он был репрессирован за то, что оставался при немцах во время оккупации Одессы, но из лагерей вернулся и до конца жизни так и прожил в доме на нижнем его этаже...

Я хорошо помню все комнаты верхнего этажа этого дома – великолепную большую гостиную, в которой стояло пианино, мебель в белых чехлах, старинные канделябры, в которых вместо свечей были свечные лампы, два громадных фотографических портрета родителей Елены Аркадьевны, зеркальное трюмо, в котором полочки для статуэток держали головы змей, и скульптура – гипсовый слепок – «Ночь». Был когда-то и «День», тоже работы Михаила Петросянца, тоже в белом гипсе, но к тому времени давно разбился. Гостиная служила одновременно и комнатой Елены Аркадьевны.

Елена Аркадьевна очень чтила талант Артура Айдиняна, у нее дома бывали многие представители старой Одессы. У нее в гостях была знаменитая в те годы певица Гоар Гаспарян. Помню также и еще одного члена этой семьи, строгую старшую сестру Марьям Аркадьевну, тоже врача. Вообще, этот дом на бульваре в те годы стал своеобразным культурным центром армянской, да и русской интеллигенции, одного определенного ее слоя.

Академик Владимир Петрович с удовольствием бывал в доме у своей коллеги-сподвижницы Елены Аркадьевны, ведь он жил от ее дома столь близко. Ходила тогда легенда, что участок, на ко-

тором был построен институт, находился на землях, некогда купленных Филатовым. Филатовы в дачно-строительном кооперативе жили в окружении братьев по профессии, ученых-медиков и докторов технических и многих прочих наук.

На даче у доцента Одесского мукомольного института имени Сталина Григория Даниловича Домбровского и его супруги Елена Платоновны, добрых знакомцев Филатова и Петросянцев, оставался мой отец, когда в самом начале 1950-х годов приезжал в Одессу. Они были удивительно радушные старики. Отца моего воспринимали как сына. Когда он пел у них дома, собирались их друзья приходили и просто соседи из кооператива. Живя у них, отец заходил в гости в дом к В.П. Филатову. Одно время Григорий Данилович Домбровский был председателем кооператива «Научный работник», до 1970-х годов, Домбровские дружеские отношения поддерживали со многими жившими неподалеку: и с профессором-медиком И.М. Срибнером, и с профессором-педиатром А.И. Скротским, и с академиком-астрономом В.П. Цисевичем, чья дача была следующей по алее за их домом. А вот с академиком Ишлинским они даже вместе соорудили из ферритовых стержней устройство, которое угадывало рельеф местности до Турции. Это устройство соединялось с ламповым телевизором и – неслыханное тогда дело – они могли поймать сигнал зарубежного, турецкого телевидения. На дачном участке в углу сада у Григория Даниловича была своя химическая лаборатория. В ней возгонялись фруктовые спирты из яблок и абрикосов, потом раздаривались знакомым и соседям. Кто-то пил их, разбавляя наливки, а кто-то использовал, для того чтобы чистить иглы для примусов, на которых готовила себе обеды добрая половина жителей Одессы.

В молодости студентом Григорий Данилович, бывало, и впадал в бедность – об этом он очень колоритно рассказывал. Речь его припадала на букву «о»: «Войдешь в обжорку, – говорил он, – сорвешь с мундира медную пуговицу – и вместо денег подашь хозяину. Тот возьмет и нальет тебе миску борща, а каши гречневой – той бери, сколько хочешь, без всякого счета».

Супруга Григория Даниловича Елена Платоновна, урожденная Богданович, родом была из Винницы. Училась на курсах французского языка до революции в Париже. Говорили, что на ее пианино,

это был завещанный позже моему отцу «Блютнер», играл как-то раз С. Рахманинов...

Старики Домбровские жили очень скромно, старозаветно. Сад у них небольшой, но богатый яблоками оригинального сорта – зелеными с горизонтальными красными полосками. Очень благородно выглядели и самшитовые кусты-куртины перед домом.

Гостиная в доме была для меня заповедным местом – старинная гнутая мебель, на столе бархатная скатерть с рисунком тесьмой; у трюмо перед зеркалом сиявшие хрустальными гранями шары, стройные блестящие флаконы, и в стоячих настольных рамках фотографии дореволюционных военных, среди них – брат Елены Платоновны, погибший в первую мировую... На стенах пейзажи, этюдные работы В.П. Филатова.

Елена Платоновна была дочерью большого церковного чина. Именно в ее одесском доме были спрятаны после революции многие храмовые ценности. Шли годы, и Елена Платоновна стала по старости иной раз рассказывать то, что многим слышать и не нужно было. Ходили слухи о том, что деревянный подоконник выдвигался, и там были ценные старинные иконы в серебряных окладах – некоторые с платиновыми звездами, с драгоценными камнями. Овальное зеркало за своей стеклянной поверхностью скрывало пазы, в которых были спрятаны золотые пятирублевки. А на чердаке таилась, как тогда называли, сейф-касса, в которой – страшно сказать – была некоторая сумма в валюте, в старых долларах. Валюта в СССР была строжайше запрещена.

Видать, что-то из неосторожно сказанного Еленой Платоновной дошло до цыган. И вот как-то в ночь, когда Григорию Даниловичу не спалось, он услышал, что кто-то лезет по приставной садовой лестнице на дом, на крытую черепицей, как и большинство соседних домов, крышу. Черепицу разобрали – и уже несколько человек крадутся по темному чердаку к люку. Застонала под крышей фомка, которой взламывали люк. Но Григорий Данилович был неробкого десятка. Еще со времен, когда побережье было изрыто окопами, в которых ржавело немало оружия, а по склонам расставлены сплошные минные заграждения, в дом он принес немецкий штык-нож с готической надписью и сигнальную ракетницу, видом она была, как пистолет... Пока бандиты взламыва-

ли чердачный люк, он успел в пустой патрон забить капсюль, насыпать пороха, сверху забить картонный кругляш-жакан, а вместо картечи насыпать горсть мелких гвоздей. Стоя внизу, он увидел, как открылась крышка люка. Кто-то сверху угрожающе закричал по-цыгански. Старик выстрелил. Визг боли был ответом на гром ракетницы... Вскоре еще раздался крик – и люди, ломая черепицу, покатались, видимо, пораженные, деморализованные раной главаря, с крыши. Воцарилось тишина. Григорий Данилович только под утро открыл мощную входную дверь, ведущую на веранду, которую бандиты не решились ломать. Никого не было. О визите ночных гостей напоминал только пролом крыши и кровавые следы раненого ночным выстрелом цыгана.

Еще когда Елена Платоновна была «в силах», она отличалась большой склонностью к благотворительности – многим помогала, выхаживала, лечила. У нее часто останавливалась наездами из-под Одессы тогда уже весьма пожилая дама – Лиана фон Прайс-Фрейнд. Ее общение особенно ценила Елена Платоновна за то, что Лиана говорила с ней на французском языке. Она была отменный рассказчик. Правда, у нее, как мы позже стали замечать, было много биографий. Мой отец, бывало, подшучивал над ее рассказами о прошлом. Как-то раз, вдохновенно повествуя о прошлом, она сказала: «И вот я села за пианино и заиграла вальс». Отец мой спросил: «А сейчас, Лиана Николаевна, можете нам сыграть?». Нисколько не смутясь, села за наш дачный «Пфейфер» – пианино изумительного звучания – и исполнила вальс, о котором говорила. Отцу на сей раз пришлось промолчать. Он не знал, что она играла и на аккордеоне.

Соответственно самой правдоподобной из биографий Лианы, как ее звало старшее поколение, а за ним и мы, дети, была эта: до войны она жила в Одессе, была замужем за человеком много старше ее, инженером. Потом в Одессу пришли немецкие войска, и наша Лиана Николаевна – она была австрийского происхождения – уехала в Берлин, где, по ее словам, работала переводчицей и весело проводила время с офицерами. Какими – она не уточняла, однако нетрудно было догадаться, с какими. В Берлине она оказалась в зоне советской оккупации, была схвачена и оказалась на долгие годы в сталинских лагерях как шпионка... Потом по воз-

вращении из лагерей приехала в поселок имени Посмитного, это был очень богатый и известный в СССР совхоз. Сам председатель Макар Посмитный весьма к Лиане благоволил – она увлекательно преподавала детям в школе немецкий язык. Лиана Николаевна была одной из самых загадочных обитательниц кооператива «Научный работник» 1960-х, затем и 1970-х годов. Как-то раз я пришел к ней на урок – она мне вызвалась бесплатно преподавать немецкий язык, и увидел, что она в своей «антикварной» соломенной шляпе с черной лентой сидит в саду под деревом и... паяет что-то паяльником во внутренностях лампового приемника. На мой вопрос о том, чем это она занимается, Лиана Николаевна мне преспокойно заявила, что отпаялся провод, ведущий к конденсатору переменной частоты, причем она сначала вспомнила, как этот термин звучит по-немецки, потом перевела на русский. И мне подумалось, что у нее было весьма секретное до войны и во время войны прошлое...

Лиана Николаевна после смерти Елены Платоновны вступила в законный брак с Григорием Даниловичем Домбровским, от него она законно унаследовала дачу № 19, на которой сначала некогда появилась гостьей... Уже во время Лианы Николаевны дом все-таки был ограблен. Сама она выжила чудом – ее пытали, чтобы выведать, где что лежит. Но воров вспугнула соседка. Об этом Лиана Николаевна написала не лишенный некоторой фантастичности литературный очерк, который сохранился в машинописи.

